О.А. Новикова

Смоленский государственный университет

УДК 821.161

«БОЛЬ МОЯ, МОЯ ОТРАДА, / ОТДЫХ МОЙ И ПОДВИГ МОЙ»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ А. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

Ключевые слова: *А. Твардовский; «Василий Теркин»; творческая история; Великая Отечественная война; «Рабочие тетради»; цензура; психология творчества.*

Автор статьи обращается к проблеме творческой истории поэмы А. Твардовского «Василий Теркин». Анализ «Рабочих тетрадей» и эпистолярного наследия поэта 1941-45 гг. позволил разрушить устойчивый миф о беспрепятственном и победном шествии поэмы в годы войны.

История создания самой известной поэмы А. Твардовского, на первый взгляд, не содержит «белых пятен»: известна статья самого автора «Как был написан “Василий Теркин”» (1951–66) [8], А.Л. Гришунин выполнил текстологический анализ поэмы [3] и подготовил научное издание книги в серии «Литературные памятники» [6]. Собранные за десятилетия публикации по теме способны составить обширную Теркиниану. Однако в 2000-х годах произошел прорыв в твардовсковедении и в изучении произведения «Василий Теркин» (далее ВТ) в частности: дочери поэта – Валентина Александровна и Ольга Александровна Твардовские подготовили и издали три тома «Рабочих тетрадей» поэта 1950-х и 1960-х годов [7; 10], выпустили книгу «Я в свою ходил атаку» [11], составленную из его записей военных лет и переписки с женой Марией Илларионовной Гореловой (далее М.И.). Эти издания позволили развенчать устойчивый миф о беспрепятственном и победном шествии поэмы и признанности ее властями.

Уже 24 июня 1941 года Твардовский получает назначение на Юго-Западный фронт, в газету «Красная Армия». А 6 сентября в его тетради появляется запись: «Работаю я по-прежнему неплохо, много у меня берет сил «Иван Гвоздев» – это Теркин на новом этапе» [11, с. 42]. Из пояснений М.И. узнаем, что во время поездки в Москву на совещание писателей в январе 1942 года Твардовский побывал в своей квартире и, уезжая, взял на фронт «финские» записи. В письме к жене от 16 апреля 1942 года он признается в желании написать «хоть одну хорошую по-настоящему вещь», и ему «как будто начинает что-то удаваться…» [11, с. 88]. Предчувствие большого замысла жило в поэте, однако далеко не сразу этот замысел приобрел четкие очертания и связь с образом Теркина.

Только 18 июня 1942 года тетрадь фиксирует признание поэта о «радостной находке – возвращении к мысли о продолжении поэмы о Василии Теркине» [11, с. 102]. При встрече с М. Слободским, вспомнившем в разговоре вдруг о герое финской поры, Твардовский сказал, что книга о Теркине им начата, а «известные отрывки – ее главы» [11, с. 103]. Чуть позже в письме от 8 июля 1942 года он уточнит, что замыслил возвращение героя в поезде редакции «Красноармейской правды» (это назначение казалось поэту «несчастьем»), будучи «в тяжелом настроении всех этих месяцев», «лежа на нижней полке писательского купе» [11, с. 111].

По пространному письму Твардовского от 27 июня 1942 года можно судить о том, как быстро претворялся в жизнь новый замысел. В сравнении с ним автору уже кажется невозможным более писание «фельетончиков». Впрягаясь в поэму, Твардовский «все сильнее втягивался, осознавал, что без нее «ни жить, ни спать, ни есть, ни пить», тогда же впервые появляется у автора важнейшая самооценка начатого дела: «это мой подвиг на войне» [11, с. 107]. Тема подвига будет обозначена в военных тетрадях еще не раз: «делать свой “подвиг”», «такое ощущение честного счастья, как если бы я совершил подвиг или готовился к нему», «И если я выполню мое главное дело в наше время войны – мой подвиг, не боюсь повторить это, то все будет хорошо» [11, с. 111, 133, 160].

Главы начатой поэмы Твардовский читал на военной комиссии в июне 1942 года и «даже испугался» [11, с. 107] их успеху. Весть о поэме быстро распространялась в литературных кругах. Вокруг нее – «ненаписанной» – начался «ажиотаж». Ее готовы были немедленно печатать главные газеты страны «Правда» и «Известия». При этом автор говорит об обратной стороне дела: в такой ситуации газетчики думают лишь «о сенсации, о своем маленьком удовольствии напечатать первым эту штуку» и никого из них, по большому счету, не интересует судьба автора и «интересы дела» [11, с. 110]. Твардовский необычайно «увлечен и захвачен» работой над ВТ, даже командирован для выполнения этого «спец. задания» в Москву. В столице он планирует написать две-три главы, закончив тем самым первую часть поэмы. При этом нельзя забывать о том, в какое трудное время создавалась первая часть ВТ. Подробностей на эту тему у Твардовского нет, что объяснимо. Однако по отдельным обрывочным фразам и комментариям М.И. мы можем отчасти понять сложившееся положение. Так, 15 июля 1942 года Твардовский в письме к М.И. замечает: «За последнее время погибло очень много наших. Правда, в большинстве это люди не из обоймы славы, но разве это их привилегия погибать на войне…» [11, с. 112]. А если вернуться в 1941-й год, то в письме Твардовского от 9 октября прочитаем: «…Не в письме рассказывать о том, что довелось видеть и т.п. при совершении «драп-кросса» из Киева. Не все мы вышли. Много осталось где-то в лесах, а то и в плену или убитыми и ра-

ненными» [11, с. 46]. Твардовский пишет о страшной странице войны, вошедшей в историю как Киевский котел (сентябрь 1941). Не всем писателям-военкорам удалось выйти из окружения. Так, Твардовский был одним из последних, кто общался с А. Гайдаром в августе 1941 года, незадолго до его гибели 26 октября 1941, и с Ю. Крымовым, который погиб 20 сентября того же года.

Производят сильнейшее впечатление слова воспоминаний М.И. о поездке Твардовского в Днепровскую флотилию (конец июня – начало июля 1941 года). Ее разгром под Каневом, тяжелейшее положение на фронте, наконец, близость смерти – «лишь мгновенная реакция товарища спасла от неминуемой гибели…» [11, с. 35] – все это потрясло Твардовского. 1 августа 1941 года он перечислил в фонд обороны всю Сталинскую премию (50 тысяч рублей), полученную за поэму «Страна Муравия». Деньги эти были неприкосновенным запасом, с ними связывались многие семейные планы, но, то страшное, что пришлось пережить и испытать Твардовскому, укрепило его в принятом решении. Сам он был готов к худшему варианту развития событий: «черную клеенчатую» тетрадь 1941 года Твардовский надписал: «Действующая армия, п/п 28. Передать моей жене Гореловой Марии Илларионовне. А.Т. 19.VIII.41. Киев» [11, с. 384].

В заметке от 17 июля 1942 года поэт пишет о возвращении к месту службы, о чтении новых глав ВТ и занесении уже в «красную» тетрадку второй главы «Перед боем», которая «слишком легко шла, почти без черновиков». И тут же автор одергивает себя, призывая не поддаваться этому «обольщению печальному» [11, с. 112]. 30 июля 1942 года он констатирует «готовность» семи глав поэмы (включая «Гармонь»).

Отношение поэта к происходящему на войне было особенно личностным и совестливым. Так, например, он пишет о том, «что стыдно идти по улице в военной форме здоровому человеку»; о том, что неловко быть писателем в такое трагическое время: «мы хекаем, а люди рубят» [11, с. 115, 277]; «до войны я еще был способен что-то подобное фальшивое петь, то сейчас – нет». Не могу, не хочу, не буду» [11, с. 116], – дает себе зарок Твардовский.

Записи «Рабочих тетрадей» подтверждают имеющееся наблюдение о том, что композиция ВТ соответствует ходу войны. Так, в августе 1942 года поэт дает знать в письме, что «наши дела на фронте улучшаются», «немцев бить мы все-таки можем, как нам сейчас ни трудно…» [11, с. 121, 120]. Новые настроения проявились и в работе над главой «Поединок» в сентябре 1942 года.

В этот период автор особенно чутко прислушивается к мнению о ВТ коллег-литераторов. 18 сентября 1942 года он сообщает М.И., что к произведению проявляют интерес «разнообразнейшие люди», в том числе

«скептический критик» В. Шкловский (слушая поэму, он плакал). На странице тетради от 25 сентября названы и другие ценители поэмы: С. Маршак, А. Фадеев, коллектив «Красноармейской правды» [11, с. 132]. В октябрьском письме к М.И. Твардовский говорит об «успехе» ВТ – «честном, бездирективном»; о том, что поэма пошла в народ (разнообразные люди жмут руку, пишут «трогательнейшие» письма), Теркина «так любят, что хотят, чтоб он был живой человек», которому можно написать, «обратиться “с запросом” и т.п.» [11, с. 133]. Такие эпизоды утверждают автора в мысли, что он своей поэмой «угадал» что-то очень важное: «Если война не сомнет меня (психически), если я одолею ее мучительные впечатления писанием, то я буду серьезный автор и смогу послужить родине, которая до сих пор сохраняет мне жизнь и даже известный комфорт. За это надо будет платить всю жизнь…» [11, с. 131].

Публикация глав ВТ в «Правде» вывела произведение на другой уровень, вызвала шквал откликов. Дошел до Твардовского и слух о том, что поэму полюбил К. Е. Ворошилов; не без гордости записано: «приятно, что и мое что-то заверстано в полосу о Сталинграде» [11, с. 132]. (Забегая вперед, скажем, что свидетельства о признанности ВТ имели особую ценность для Твардовского и в последующие годы. Так, во время единственной встречи с В. Астафьевым поэт узнал от него, что на 1-м Украинском фронте, где воевал писатель рядовым, газетные вырезки с главами из ВТ наклеивали на картонки и передавали их «из взвода во взвод» [1, с. 42]. Подобные свидетельства об особой признанности народом ВТ пополняются и в наше время. Так, 23.10.2003 года газета «Труд-7» в № 198 опубликовала нашу заметку «Напишите о поэте» (тогда шла работа над энциклопедией «А. Твардовский» и нужна была информация о нем в странах СНГ). Среди откликов было письмо из Краснодарского края от Ю.Н. Сивцова. В своем послании от 11 декабря 2003 года он рассказал, что во время войны на него, мальчика 11-12-ти лет из Тбилиси, поэзия Твардовского произвела «ошеломляющее впечатление», ее он специально разыскивал в газетах и журналах и читал «взахлеб»; знакомил со стихами других – «в очередях за хлебом и керосином, на утренниках в русских школах, в госпиталях», главы ВТ выучил наизусть и читал их уставшим шоферам, «не давая им заснуть за баранкой» во время поездок по Военно-Грузинской дороге [5]).

В октябре 1942 года была отдана в издательство «Молодая гвардия» первая часть ВТ, которая вскоре была напечатана тиражом 73 тысячи экземпляров. Началось чтение глав ВТ по радио в исполнении Д. Орлова.

Намечая общий характер второй части ВТ, Твардовский намеревается перемежевывать главы мирные и военные, уделив больше внимания первым. Однако по мере реализации замысла автору все чаще прихо-

дится сталкиваться с критикой ВТ со стороны писательского окружения. Так, земляки Б. Бурштын и Д. Осин сравнивали поэму со «Страной Муравией» (и не в пользу ВТ). Некоторые «литературные люди» сомневались в названии произведения (гораздо позже Твардовский признается: «“Василий Теркин” – заглавие принято за неимением лучшего») [7, с. 42]. Н. Асеев попенял автору ВТ на то, что тот не отразил «особенности нашей войны». И даже друг Твардовского А. Фадеев заявил, что поэма «нуждается в критике», указав на статичность образа Теркина [11, с. 387]. Единственный из писателей, кто безоговорочно одобрил ВТ – это К. Симонов. Отрадно, что при создании книги Твардовский более доверял собственному художественному чутью, «заставляя» в итоге и других «принимать» свое видение войны и ее героев [11, с. 135].

Однако все настойчивее поступают сигналы, указывающие на проявляющееся и в «верхах» отторжение военной правды Твардовского. Взаимоотношение с цензурой – отдельная страница творческой истории ВТ. В письме к М.И. (с оказией) от 20-21 ноября 1942 года Твардовский указывает на «противнейшую возню с “Теркиным”»: до него дошли слухи о том, что поэма в ЦК вызвала какие-то «замечания» [11, с. 145], что исходят они со стороны самого А.А. Жданова. Вскоре, побывав на приеме у зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК А.А. Пузина, Твардовский услышал, что его книга «одобрена» и что она будет издана тиражом в 2 миллиона экземпляров «Воениздатом» и «Правдой», однако для этого потребуется исправить «ряд мест». Жалея эти строфы (в каких-то из них увидели намеки на трудную довоенную жизнь народа, в других – безнадежность и обреченность, третьи посчитали грубыми), поэт не стал править их, а решил «изъять хирургически» [11, с. 146]. Тем не менее, 24 декабря 1942 года в письме к М.И. создатель поэмы теперь уже благодарит судьбу за то, что был направлен именно в «Красноармейскую правду» – будь иначе, «может быть, и не написал бы этой книжки» [11, с. 150].

Неизменную и постоянную поддержку поэт всегда ощущал только со стороны М.И. В период работы над ВТ она выступала не только в роли вдумчивого критика, но и соавтора некоторых идей, направляющих дальнейшее развитие сюжетных линий ВТ. Например, М.И. советует: «“о войне” надо бы обязательно короче. Тогда будет сильнее» [11, с. 120]. В письме от 21 августа 1942 года она предлагает мужу написать главу, «где Теркин берет в плен немца, как он его ведет и что при этом чувствует…» [11, с. 120], а также включить в текст солдатскую песню «Шинель» (Твардовский прислушается и поместит ее в главу «Перед боем»). Точны замечания М.И. об исполнительской интерпретации ВТ Д. Орловым и В. Авдеевым, которые читали поэму по радио.

«Сглатываю неприятности и пишу, пишу…» [11, с. 160], – читаем в письме Твардовского к М.И. от 5 января 1943 года. Пояснения М.И. этой фразы очень важны. Она полагает, что отклонение «Комсомольской правдой» «Новогодней главы» (ныне «Теркин-Теркин») стало первым «сигналом нового – критического отношения к «Василию Теркину» «в верхах», которое стало «нарастать», проявляясь сначала под видом «замалчивания произведения» [11, с. 162], а потом в попытках запустить так называемый механизм саморегулирования писательского мира, внедренный с момента создания Союза советских писателей. Цель таких «проработочных» кампаний – вернуть заблудшего члена ССП в нужное идеологическое русло. Подобным мероприятием должно было стать и организованное в редакции «Комсомольской правды» 28 января 1943 года публичное чтение глав ВТ. Однако вместо готовящегося «разноса поэмы» оно превратилось в триумф Твардовского. Таков был результат «непосредственного соприкосновения слова поэта со слушателем непредубежденным» [11, с. 162]. Но все же «кому-то поэма мешала, и усилия ее принизить продолжались…», проявлялась «тупость и зловредная недоброжелательность чиновников»; возникающие порывы «куда-то пойти, объясниться, чего-то добиться и т. д.» Твардовский гасит, надеясь на то, что как-нибудь «все обойдется»: «Авось “Теркин” пробьется без моих особых усилий» [11, с. 162-164]. Однако нападки на Твардовского не прекращались. В январских письмах 1943 года он рассказывает о каждой новой порции «огорчений»: указаниях сверху, вычеркивании мест, наиболее удачных и уже полюбившихся читателям. Автор признается, что у него есть «целые главы», не напечатанные «по соображениям начальства» (таковы масштабы цензурных притеснений!): «Трудно писать, то и дело озираясь на строчки, которые “могут быть поняты не так”» [11, с. 167].

Создание ВТ требовало от Твардовского мобилизации всех жизненных сил: «пишу я на перерасходе горючего <…>, каждое слово прогрето чувством, все пропущено через себя…» [11, с. 167]. Неприятности Твардовский переносит стоически, нередко сознательно смиряя свою «гордыню», ибо понимает, что ради Главного дела можно поступиться и малым («перетерпим-перетрем», как говорит его герой). Он вновь повторяет ранее высказанную мысль о противостоянии обстоятельствам: «Помилуй бог, чтоб я написал такую штуку, чтоб она не встретила препон. Это лучше уж менять профессию…» [11, с. 168]. Требование все новых сокращений, недопущение автора к чтению поэмы по радио – все это становится уже постоянной практикой в отношении Твардовского и его «вещи». «Впечатление такое, что твое имя вслух и то опасно произносить» [11, с. 171], – свидетельствует М.И. (письмо от 23.01. 1943 г.).

Нельзя обойти вниманием также фразу Твардовского из письма от 1 июня 1943 года, показавшую, как поменялась концепция воен-

ной литературы: «Сейчас нужен герой-офицер, желательно дворянского, по крайней мере интеллигентного, происхождения, в виде отклонения от нормы (что будет одновременно и допустимой смелостью) – религиозной, свято уважающий традиции военной семьи и т. п. Солдат сейчас не в моде» [11, с. 189]. Поэт же остался верен себе и не стал следовать конъюнктуре и повышать героя в звании.

15 октября 1943 года Твардовский заносит в свою рабочую тетрадь решение писать третью часть ВТ. К этому его подтолкнули, в первую очередь, просьбы фронтовиков. Рассказать воюющим людям «об их любимце, несущем в себе самое лучшее их, национальное без нажима, веселое не по уставу, живое, мудрое и трогательное» [11, с. 197] для Твардовского становится необходимым. Однако все это происходит в атмосфере образовавшегося вакуума вокруг ВТ. Желая прервать этот заговор молчания, поэт обращается с письмом в защиту поэмы к Г.М. Маленкову, секретарю ЦК по вопросам литературы и искусства. Он обрисовывает сложившуюся ситуацию и мужественно отстаивает «полезность» своей работы, необходимость издания ВТ, которому отдал «всю свою душу» [11, с. 216]. Однако автор так и не дождался ответа на свое послание, отправленное «наверх»; «Похоже, что остался я с ним один» [11, с. 234], – с горечью замечает он. Не исключено, что письмо все-таки было внимательно прочитано, ибо ситуация с ВТ начинает меняться. После годичного перерыва возобновляется чтение поэмы на радио, подписан договор с «Воениздатом» на выход «избранного Теркина» – правда, и в этом случае не обошлось без цензурных «поправок»: «изымалось всякое упоминание о гибели и смерти» [11, с. 246]. Не так просто было «пробить» в печать главу «Про солдата-сироту»: зав. литературным отделом журнала «Красноармеец» С.П. Щипачев высказал претензии к строфе про Белоруссию и Украину, дескать, «это так давно было», не понравилось ему и «место про солдатскую слезу» [11, с. 354].

А цензура тем временем находит и вымарывает другие крамольные строки из ВТ. Благодаря Ю. Буртину стал известен Приказ № 3/52с начальника Главлита Н. Садчикова от 21 января 1943 года о запрете к публикации фрагмента поэмы ВТ, в котором напрямую говорится о цензуре и всяких «начальниках», от которых зависит поэт:

Друг-читатель, не печалься.
Делу время не ушло.
Все зависит от начальства,
А начальство – все учло.
Все концы и все начала,
Сердца вздох, запрос души.
Увязало, указало
И дозволило – пиши!

Отрази весну и лето,
Место осени отмерь,
И задача у поэта
Просто детская теперь.
Разложи перо, бумагу,
Сядь, газетку почитай,
Чтоб ни промаху, ни маху
Не случилось, и – катай.
И пойдет, польется так-то,
Успевай хоть сам прочесть.
Ну, ошибся? Есть редактор.
Он ошибся? Цензор есть.
На посту стоят не тужат.
Не зевают, в толк возьми,
Что ошибку обнаружить
Любят – хлебом не корми.
Без особой проволочки
Разберут, прочтут до точки,
Личной славе места нет,
Так что даже эти строчки
Вряд ли выйдут в белый свет [2, с. 42].

Не опуская рук, Твардовский продолжает свой труд: «Мои дела идут сносно, много работаю, спешу сделать побольше за эти последние дни отпуска» [4], – пишет он 15 апреля 1944 года родной сестре Марусе в Смоленск.

На протяжении войны не раз возникали слухи о выдвижении ВТ на Сталинскую премию. В 1945 году они стали особенно активны. 29-30 марта 1945 года в Комитете по премиям шла «читка» выдвинутых произведений, в том числе ВТ. Несмотря на всеобщее высокое мнение о ВТ, председатель Комитета М.Б. Храпченко вспомнил о «политических мотивах», которые выдвигались «против вещи» еще в 1942 году. Прозвучало и иное мнение, его высказали Н. Тихонов и А. Фадеев, доказывая, что поэма «переделывалась» и теперь звучание ее «несколько иное» [11, с. 358]. «Опасность», грозящую ВТ, хорошо чувствовала М.И. Дальнейшие события показали, что эти опасения не были беспочвенными. 11 апреля 1945 года от того же Фадеева М.И. узнала, что Комитет проголосовал за присуждение ВТ премии второй степени.

Твардовский тем временем работал над заключительными главами поэмы «По дороге на Берлин» и «В бане»; «моя книга заканчивается, округляется» [11, с. 369], – констатирует автор, он говорит «о грусти», которую испытывает, «как при разлуке с другом». Одновременно подводит некоторые предварительные итоги. Поэма Твардовского рождалась по

горячим следам, она «шла», «исходя» из войны и «сплетаясь с ней» [11, с. 396]. Не так много в истории русской литературы примеров рождения эпоса в переломное, судьбоносное для народа время.

А 26 января 1946 года вышло Постановление СНК ССР о присуждении Твардовскому Сталинской премии первой степени за поэму ВТ. Известен рассказ А. Фадеева о том «как это было»: вождь «высказал удивление», что имени создателя ВТ не оказалось представленным на премию; объяснение подчиненных, что поэма не закончена и продолжает печататься, не удовлетворило его: «“Не думаю, чтобы он ее слишком испортил при окончании”, – якобы сказал Сталин и своим карандашом вписал А.Т. в список» [11, с. 393]. Учитывая, какое это было время, вряд ли стоит сегодня недооценивать этот факт. Второй раз самый грозный ценитель литературы в стране решал судьбу Твардовского (первым был эпизод со «Страной Муравией»). Но знавший себе цену поэт хорошо понимал, какой замысел претворил в жизнь. Он верил, что его создание «останется как некая форма поэтической службы на войне» [11, с. 370], «Теркин – моя мысль, моя вера» [11, с. 378], или как об этом сказано в заключительных строках поэмы:

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной –
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой! [10, с. 42].

Литература

1. Астафьев В.П. Зрячий посох: Книга прозы. М.: Современник, 1988. С. 254–255.
2. Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 230.
3. Гришунин А.Л. «Василий Теркин» Александра Твардовского. М.: Наука, 1987. 144 с.
4. Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф. 2., п.1., ед. хр. 2.
5. Личный архив.
6. Твардовский А.Т. Василий Теркин. Книга про бойца / Изд. подг. А.Л. Гришунин. М.: Наука, 1976. 527 с. (Лит. памятники).
7. Твардовский А.Т. Дневник: 1950–1959 / подготовка текста, предисловие, коммент., указ. имен В.А. и О.А. Твардовских. М.: ПРОЗАиК, 2013. 526 с.

8. Твардовский А.Т. Как был написан «Василий Теркин» // Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. / под общ. ред. Ю.Г. Буртина. М.: Художественная литература, 1980. Т. 5. С. 101–144.
9. Твардовский А.Т. Новомирский дневник: В 2 т. / предисл. Ю.Г. Буртина, подготовка текста, комментарии В.А. и О.А. Твардовских. М., 2009. Т. 2. 640 с.
10. Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1976 – 1983. Т. 2. 328 с.
11. Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку…» Дневники. Письма 1941-1945 / Публик. и предисл. В.А. и О.А. Твардовских. М., 2005. 398 с.

O.A. Novikova

«My Pain, My Joy, / My Rest and My Feat»: To the History of the Creation of the Poem by A. Tvardovsky "Vasily Terkin"

Key words: *A. Tvardovsky; «Vasily Terkin»; creative history; Great Patriotic War; «Workbooks»; censorship; psychology of creativity.*

The author of the article refers to the problem of the creative history of A. Tvardovsky's poem «Vasily Terkin». Analysis of the «Workbook» and the epistolary legacy of the poet of 1941-1945 allowed to destroy the stable myth about the unhindered and victorious march of the poem during the war.

Э.Л. Котова

Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1.09

ПОЭТИКА СМЕШЕНИЙ И СПЛАВОВ: АДРИАН МАКЕДОНОВ О ЛИРИКЕ ОТТЕПЕЛИ

Статья подготовлена в рамках проекта «Смоленская земля в литературных персоналиях: открытая справочно-библиографическая база (по материалам архива В.Е. Захарова)», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (№ 17–04–67002 а(р))

Ключевые слова: *Македонов; лирика; поэтика; художественные принципы.*

Адриан Македонов, анализируя творчество поэтов 1950-1960-х годов, принадлежащих к разным поколениям и течениям, выделил принципы, характерные в целом для лирики данного периода (внимание к повседневной жизни и поиск в нем идеального начала, раскрепощение лирического «я», поэтика «принципиальной эклектики» и пр.). Стремление к теоретическим обобщениям, к осознанию единства многообразия лите-